
ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОЧНИКОВ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ВОСПОМИНАНИЯ

«ЗАВЕЩАНИЕ ГИТЛЕРА» И СОВРЕМЕННЫЕ НАСЛЕДНИКИ ФЮРЕРА *

А. С. Гроссман

Народы всего мира торжественно отметили в мае 1965 г. двадцатую годовщину разгрома фашистской Германии. Два десятилетия назад победоносно завершились Великая Отечественная и вторая мировая войны в Европе. Благодаря мужеству и героизму советского народа, народов Англии, Франции, США и других стран мир был спасен от фашизма. Человечество надеялось, что окончившаяся война будет последней в истории. Однако сегодня мы являемся свидетелями того, как разгромленный в 1945 г. германский империализм, на совести которого более 50 млн. человеческих жизней, при поддержке монополий западных держав восстановил свой военный потенциал и снова угрожает миру войной. Западная Германия превратилась во вторую по военной мощи страну капиталистического мира. Общие расходы ФРГ на содержание и оснащение своей армии с учетом косвенных военных издержек составили большую сумму, чем Гитлер потратил на подготовку второй мировой войны. Вооруженными силами Западной Германии командуют бывшие гитлеровские генералы. Реваншистские круги ФРГ все более откровенно рвутся к ядерному оружию и мечтают о том, чтобы «переиграть» вторую мировую войну на новой, ракетно-ядерной основе. Реваншизм и милитаризм являются государственной политикой Западной Германии.

О том, насколько реальна угроза миру со стороны западногерманской военщины, свидетельствуют такие факты, как провокационный план создания пояса атомных мин вдоль границ Чехословакии и ГДР и провозглашение стратегии «передовых рубежей», которая предусматривает применение ядерного оружия с самого начала возникновения военного конфликта в Европе. «Американские монополии и их английские и французские союзники,— подчеркивается в Программе КПСС,— открыто помогают западногерманскому империализму, который цинично проповедует реваншистские, захватнические цели, подготавливает войну против социалистических государств и других европейских стран»¹. Поступив в распоряжение ФРГ, ядерное оружие оказалось бы в руках того единственного европейского государства, которое возглавляется реваншистами, стремящимися перекроить карту Европы любой ценой.

В дни празднования двадцатилетия со дня безоговорочной капитуляции третьего рейха в ФРГ не состоялось никаких торжеств. Наоборот, день 8 мая 1945 г. правители Западной Германии предложили немецкому народу оплакивать как «день поражения и бесчестия», как национальную катастрофу. Тем самым они солидаризировались с правителями фашистской Германии, для которых именно этот день и являлся днем катастрофы. Уроки истории не пошли впрок германскому империализму. Вновь, как и во времена гитлеризма, с берегов Рейна раздаются воинственные призывы. Военный министр ФРГ Хассель заявил недавно: «Германия должна быть восстановлена в границах империи Бисмарка... Наши территориальные требования идут далеко за пределы линии Одер — Нейссе»². Еще более безрассудные и опасные планы разрабатывал в бытность свою министром обороны Штраус, нынешний председатель партии ХСС,

---

* Редакция выражает благодарность доктору исторических наук Н. Н. Яковлеву, представившему перевод «завещания Гитлера» с английского издания.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М. 1962, стр. 32.

² «Международная жизнь», 1965, № 5, стр. 19.

кандидат наиболее реакционных кругов ФРГ на пост канцлера на предстоящих осенью 1965 г. выборах. По свидетельству западногерманского журнала «Der Spiegel», возглавлявшееся Штраусом министерство обороны весной 1962 г. занялось изучением вопроса о нанесении на Востоке превентивного атомного удара. Кстати, Штраус — один из первых, кто заявляет, что Гитлер будто бы не несет ответственности за развязывание второй мировой войны. Двадцать лет спустя после разгрома фашистской Германии в Западной Европе вновь воссоздан очаг реваншизма, угрожающий новой мировой войной. «Политика западногерманских монополий стала главной угрозой миру в Европе. Превращение бундесвера в мощный инструмент милитаристской политики, стремление добиться обладания ядерным оружием, в частности посредством создания многосторонних ядерных сил НАТО (МЯС), упорная приверженность доктрине Хальштейна и отказ от каких бы то ни было переговоров с ГДР, активное участие в мероприятиях против молодых национальных государств — все это является выражением особой агрессивности западногерманского империализма, которая обусловлена достигнутой ступенью развития государственно-монополистического капитализма»³.

Наиболее агрессивные круги ФРГ открыто провозглашают свое стремление к территориальной экспансии в Европе. Они требуют восстановить Германию в границах третьего рейха 1937 г., в границах бисмарковской империи 1871 г., настаивают на правомерности мюнхенского сговора 1938 г. о расчленении Чехословакии. Эта программа территориальной экспансии не только сознательно игнорирует важнейшие итоги второй мировой войны и послевоенное развитие в Восточной и Центральной Европе, но и предполагает осуществление реваншистских целей за счет ГДР, Польши, Чехословакии и Советского Союза.

Агрессивная внешнеполитическая программа западногерманских империалистов имеет разительное сходство с бредовыми планами Гитлера, мечтавшего об установлении «нового порядка» в Европе. Разумеется, то, что происходит сейчас в ФРГ, не является простым возрождением прошлого. Процесс фашизации страны происходит в новых формах. Многие лозунги гитлеровцев дискредитированы и потому отброшены, другие — модифицируются в соответствии с новыми условиями, но такие «основополагающие» для фашизма лозунги, как борьба с коммунизмом, остаются неизменными. Реваншистские требования прикрываются рассуждениями об «освобождении» населения ГДР, об «обороне западного мира» и в первую очередь о борьбе с «агрессивным коммунизмом». Симптоматично, что даже на Западе все чаще раздаются трезвые голоса тех, кто видит угрозу миру в ремилитаризации Западной Германии и реваншистских устремлениях Бонна. «У меня, — заявил 1 ноября 1960 г. в британской палате общин консерватор О. Прайо-Полмер, — вызывает крайнее беспокойство реваншистское движение в Западной Германии. Не только я, но и многие другие члены палаты, я уверен, глубоко озабочены этим. Мы слышали о многолюдных собраниях... на которых перед огромными возбужденными толпами выступали д-р Аденауэр, профессор Эрхард и г-н Вилли Брандт. Говорили они, по сути дела, о том, что если Германия будет стоять на страже мира вместе с Западом, то когда-нибудь Запад увидит Восточную Пруссию освобожденной, что с помощью Запада все их притязания однажды будут удовлетворены. От этого у меня по спине начинают бегать мурашки. Разве это не точно такой же шум, какой мы слышали в 1936, 1937 и 1938 годах?»⁴.

В наши дни в Западной Германии активно возрождаются и насаждаются идеи милитаризма и реванша, пропагандируются человеконенавистнические идеи третьего рейха, возрождается апологетика Гитлера. Книжный рынок Западной Германии затопил мутный поток неонацистской литературы. «Пишут, — отмечал еще в 1957 г. вице-президент Германской Академии наук в Берлине Лео Штери, — отставные и находящиеся на службе государственные деятели, дипломаты, политики, генералы, военные исследователи, профессиональные историки и дилетанты, публицисты, философы, богословы, экономисты, социологи и юристы; пишут штурмовики, эсэсовцы и гестаповцы, бывшие руководители и сотрудники шпионских организаций, вдовы и бывшие любовницы повешенных военных преступников, личные адъютанты, переводчики, курьеры,

³ См. «Государственно-монополистический капитализм в Западной Германии» (тезисы). «Коммунист», 1965, № 6, стр. 86—87.

⁴ Цит. по: «Международная жизнь», 1962, № 2, стр. 74.

личные врачи, секретари и прочие слуги бывших нацистских сановников; пишут бесчисленные пираты пера и прочие темные элементы, обретающиеся на политической свалке»⁵. Появились сотни книг о Гитлере; многократно переиздаются «литературные труды» фюрера, опубликованы новые, ранее не публиковавшиеся. Так, например, в 1961 г. в ФРГ была издана так называемая «Вторая книга» Гитлера, написанная в 1928 году⁶. В 1962 г. была издана апологетическая книга П. Шрамма «Гитлер как военный вождь»⁷. В 1962 г. в ФРГ была издана также книга американского историка Д. Хоггана «Вынужденная война», которая проповедует, что Гитлера якобы без всяких оснований обвинили в агрессивных действиях, что он был «миролюбом» и что главным виновником войны является Англия⁸. «О миролюбии» Гитлера пишет К. Типпельскирх⁹ и многие, многие другие. «Гитлер, которому приписывают безмерные и безрассудные требования, на самом деле выдвигал лишь в высшей степени ограниченные требования»,— утверждал неонацистский орган ФРГ «Nation Europa» в номере 4 за 1959 год.

В ФРГ, а также в других империалистических странах реакционная буржуазная историография всячески фальсифицирует причины, характер и результаты второй мировой войны, делает попытки реабилитировать фашистскую Германию, ее внешнюю и внутреннюю политику, «обосновывает» правомерность фашистской агрессии по отношению к народам Европы, особую «миссию» национал-социализма в борьбе против «угрозы» большевизма. Все это предпринимается с целью подготовки немецкого народа к новой, третьей мировой войне в интересах германского империализма и международной реакции. Отсюда и широкое использование испытанных приемов человеконенавистнической пропаганды,— пропаганды агрессии, разбоя и порабощения других народов, которую небезуспешно использовали в свое время гитлеровские заправилы. Отсюда та шумиха, которая поднята вокруг таких «произведений» Гитлера, как «Моя борьба», «Вторая книга», и других. Широкая публикация «сочинений» Гитлера и других фашистских главарей должна содействовать, по мысли реваншистских кругов Западной Германии, возрождению в немецком народе духа шовинизма, милитаризма и реванша, духа войны. Немцев Западной Германии стараются убедить в том, что интересы германских монополий, жаждущих войны и реванша, как при Гитлере, так и сегодня совпадают с интересами народа. Фактически западногерманские реваншисты пропагандируют старые, обанкротившиеся планы внутренней и внешней политики Гитлера¹⁰.

Вновь, как и во времена гитлеризма, в ФРГ распространяется ложь об угрозе со стороны «коммунизма», якобы только для «защиты» от которого Западной Германии и нужны атомные бомбы. «Но германские империалисты всегда маскировали свою политику вооружения и подготовки войны мнимой угрозой со стороны других стран и в то же время разжигали в немецком народе военный психоз путем пропаганды шовинизма и ненависти к другим нациям... С помощью антикоммунизма Гитлер и германские империалисты подготовили вторую мировую войну... Методы, применяемые империалистами в наши дни, почти не отличаются от нацистских методов»,— справедливо подчеркивал Первый секретарь ЦК Компартии Германии М. Рейман в выступлении на съезде КПГ в 1963 году¹¹. Нужно ли удивляться, что в подобной обстановке в Западной Германии широко пропагандируются фашистская идеология и политика? Что вновь и вновь делаются попытки обелить Гитлера и акты агрессии фашистской Германии? Западногерманская реваншистская историография поднимает на щит и пропагандирует любую литературу, могущую, по ее мнению, идеологически подготовить немцев к третьей мировой войне.

⁵ Л. Штерн. Главные тенденции реакционной историографии второй мировой войны. «Проблемы истории второй мировой войны». М. 1959, стр. 32.

⁶ «Hitlers zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928». Stuttgart. 1961.

⁷ P. E. Schramm. Hitler als militärischer Führer. Bonn. 1962.

⁸ См. D. L. Hoggan. Der erzwungene Krieg. Die Ursachen und Urheber des 2. Weltkrieges. Tübingen. 1961, S. 116, 121, 470, 831 etc.

⁹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М. 1956, стр. 9—10.

¹⁰ Так, с открытой апологией немецкого милитаризма, войны против СССР, Чехословакии, Австрии, Польши выступил среди других реваншистов в ФРГ автор книги «Немецкие козыри» И. Барник (I. Barnick. Die deutschen Trümpfe. Stuttgart. 1958).

¹¹ «Съезд Коммунистической партии Германии 1963 года». М. 1964, стр. 30.

Среди огромного числа такого рода изданий в последние годы получил известность опубликованный в ФРГ, Франции, Англии и других капиталистических странах документ, получивший название «завещание Гитлера». Ссылаясь на «завещание Гитлера», западногерманские реваншисты пытаются доказать, что, развязывая войну в Европе, Гитлер мечтал только о ликвидации несправедливых решений Версальского договора 1919 г. в отношении Германии, о былом «величии» немецкого народа; что он не хотел войны, вести которую его «вынудили»; что он не несет ответственности за ее развязывание и за те жертвы, которые принес на алтарь войны немецкий народ и народы других стран. Это «завещание» в последние годы все более широко упоминается и цитируется в печатных органах реваншистов Западной Германии и даже в работах крупных буржуазных ученых ФРГ, Англии и других стран. Оно используется реакционными кругами ФРГ в целях пропаганды шовинизма, реваншизма, национализма, антикоммунизма и является одним из средств разжигания в немецком народе реваншистских настроений.

И в СССР и на Западе история второй мировой войны продолжает привлекать внимание как исследователей, так и самых широких кругов читателей. Новые документы и материалы, помогающие пролить дополнительный свет на события второй мировой войны, получают в работах советских историков объективную оценку. Историки-марксисты ведут непрекращающуюся борьбу с враждебной буржуазной идеологией, с буржуазными фальсификаторами истории. Полемика по наиболее важным вопросам истории войны продолжается и сегодня, через двадцать лет после ее окончания. Так называемое «завещание Гитлера» дает возможность не только сделать интересные сравнения, сопоставив то, что завещал незадачливый фашистский фюрер, с политической линией руководителей сегодняшней Западной Германии, но и показать несостоятельность утверждений буржуазной историографии, прежде всего западногерманской, сопровождающей публикацию «завещания» комментариями, цель которых — извратить общеизвестные исторические факты.

Документ под названием «завещание Гитлера» стал известен историкам сравнительно недавно, в 1959 г., и увидел свет при необычных обстоятельствах. В феврале 1945 г. гитлеровская Германия лежала в развалинах, под мощными ударами Советских Вооруженных Сил рушились последние бастионы вермахта на Восточном фронте. Человечество приветствовало приближавшуюся победу, видя в ней закономерное торжество сил демократии над фашизмом. В Берлине, в подземельях имперской канцелярии, «фюрер германского народа», утратив былую уверенность в себе, пытался понять причины надвигавшегося неизбежного краха. Он обратился к истории фашистского рейха и в длинных речах «перевоевывал» проигранную войну. Среди немногих слушателей фюрера оказался преданный ему до конца Мартин Борман, которому Гитлер разрешил вести запись его речей. Практика эта не была новой. Еще в июле 1941 г. Гитлер согласился на предложение Бормана стенографировать высказываемые фюрером на досуге мысли по самым разнообразным проблемам. Эти записи получили название «Застольные беседы Гитлера» и были по частям впервые опубликованы в 1951—1952 гг.¹², а в 1953 г. появилась книга, в которой они были приведены в хронологический порядок¹³. В общей сложности «Застольные беседы Гитлера» составили 1 045 страниц, отпечатанных на машинке. Они охватывали период с 7 июля 1941 г. по 30 ноября 1944 г., однако основная масса записей оканчивалась осенью 1942 года. В конце 1942 г. Гитлер в связи с изменениями в судьбе третьего рейха запретил присутствие стенографа во время своих бесед. Поэтому в 1943—1944 гг. самим Борманом было сделано менее десяти записей.

Только перед крахом фашистской Германии Борман возобновил систематическую запись «Застольных бесед Гитлера». Весь февраль 1945 г. он тщательно фиксировал все сказанное Гитлером, а в апреле к пачке аккуратно перепечатанных листков добавил еще одну запись — суждения Гитлера, высказанные 2 апреля. Дабы не было сомнений в аутентичности документов, Борман расписался на них. Они хранились у Бормана до двадцатых чисел апреля 1945 г. и составляют рассматриваемое ниже «завещание

¹² Н. Picker. Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier. Bonn. 1951; M. Genoud. Libres Propos sur la Guerre et la Paix. Paris. 1952; см. также H. A r e n d t. Bei Hitler zu Tisch. «Der Monat», 1951, Hf. 37.

¹³ «Hitler's Secret Conversation». New York. 1953.

Гитлера»¹⁴. В западногерманской историографии «завещание Гитлера» получило наименование «бесед в бункере» («Bunkergespräche») ¹⁵.

17 апреля, когда Советская Армия замыкала кольцо окружения вокруг Берлина, Гитлер вызвал к себе высокопоставленного нацистского чиновника и приказал ему выехать в Бад-Гаштейн, чтобы заняться перевозкой золотого запаса Германии в соляные копи Тюрингии. Он также сказал чиновнику, что Борман передаст ему секретные документы, о безопасности которых следует позаботиться, после чего Борман вручил чиновнику запечатанный конверт с «завещанием Гитлера». Чиновник в конце апреля передал конверт на хранение в банк в Бад-Гаштейне.

Тем временем Гитлер покончил с собой ¹⁶, Германия капитулировала, а чиновник был арестован властями западных союзников как военный преступник и приговорен к длительному тюремному заключению. Находясь в тюрьме, он имел время поразмыслить о многом и в первую очередь о собственной безопасности, резонно рассудив, что если его роль в истории с «завещанием Гитлера» будет обнаружена, то это повернет к худшему его судьбу. Как водилось тогда, перед судом он изображал себя третьестепенной фигурой, хотя столь деликатное поручение могло быть дано только человеку, высоко стоявшему в фашистской иерархии.

Заклученный нашел способ связаться со своим другом-юристом, поручив ему истребовать из банка и уничтожить документ. Сумев получить его, юрист, к своему удивлению, обнаружил, что является держателем «завещания Гитлера». Между тем клиент настаивал на выполнении своего поручения до конца. Юрист оказался верным служебному долгу: он сжег «завещание Гитлера», предвзятельно сняв, однако, фотокопию с документа и надежно запрятав ее. Шли годы, военный преступник был освобожден из тюрьмы и, к немалой досаде, узнал, что «завещание Гитлера» сохранено. Встал вопрос о публикации. Бывший фашистский чиновник согласился при условии, что его имя не будет названо ¹⁷. Так в 1959 г. во Франции впервые увидело свет «завещание Гитлера». В 1961 г. оно было переведено на английский язык.

«Завещание Гитлера» получило в буржуазных странах сенсационную рекламу. И это далеко не случайно. В послевоенный период на Западе появилась обширная литература, посвященная истории фашистской Германии. Особенно много издано буржуазными авторами работ, относящихся к последнему периоду фашистской диктатуры. Большое место в этой литературе занимают публикации исследований, мемуаров и документов, в которых иногда прямо, а чаще всего завуалированно делается попытка обелить, реабилитировать главарей фашистской Германии, и прежде всего Гитлера. Буржуазные ученые, как правило, всячески избегают делать объективно напрашивающиеся выводы из приводимых ими документов и материалов. Не последнее место среди этих ученых принадлежит, например, англичанину Х. Тревор-Роперу. Это известный на Западе историк третьего рейха, особенно подробно исследовавший обстоятельства его краха. Еще в 1947 г. он выпустил монографию «Последние дни Гитлера» ¹⁸. Английское издание «Застольных бесед Гитлера» открывала вступительная статья Тревор-Ропера, характерно озаглавленная «Ум Адольфа Гитлера». Репутация Тревор-Ропера как знатока Гитлера прочно установилась в буржуазной историографии, его суждения обычно не оспариваются. Хотя английский историк резко отрицательно квалифицирует

¹⁴ «The Testament of Adolf Hitler». London. 1961.

¹⁵ См. А. Wucher. Hitlers letzte Phrasen. «Politische Studien», 1960, Hf. 128, S. 728.

¹⁶ Накануне своей смерти, 29 апреля, Гитлер продиктовал два документа, которые формально являлись его завещанием — «политическим» и «личным». Они были перепечатаны в трех экземплярах и вручены трем нацистам, которые должны были доставить их фельдмаршалу Шернеру, назначенному Гитлером главнокомандующим сухопутной армией, и гросс-адмиралу Деницу. Ни один из экземпляров не попал к адресатам. Документы и связанная с ним история вскоре стали известны и были опубликованы. См. Г. Л. Розанов. Крушение фашистской Германии. М. 1963, стр. 180—183; Н. Trevor-Roper. The Last Days of Hitler. New York. 1947; W. Shirer. The Rise and Fall of the Third Reich. New York. 1962, pp. 1458—1465; «Dokumente der Deutschen Politik und Geschichte von 1848 bis zur Gegenwart. Die Zeit der nationalsozialistischen Diktatur 1933—1945. Deutschland im zweiten Weltkrieg 1939—1945». V. Band. Berlin. 1952 (далее «Dokumente...»).

¹⁷ См. предисловие Х. Тревор-Ропера к «завещанию Гитлера». «The Testament of Adolf Hitler», pp. 9—11.

¹⁸ Н. Trevor-Roper. The Last Days of Hitler. New York. 1947.

фашизм, далеко не со всем можно согласиться в его оценках Гитлера. История зафиксировала (что видно, кстати, и из документа): основная цель гитлеровского руководства заключалась в сокрушении Советского Союза на Востоке, Англии и Франции — на Западе. Антикommунизм, антисоветская политика были краеугольным камнем германского фашизма с начала и до конца. Это обеспечило бескровные победы Германии в канун войны и успехи, добытые малой кровью во время «странной войны». И это же привело в конечном итоге фашизм к краху.

В предисловии Тревор-Ропера дело предстает несколько по-иному. «В глазах Гитлера,— пишет он,— истинная вина Британии заключалась не только в том, что мы не дали Германии побить себя, а в том, что мы продолжали войну даже тогда, когда он схватился с Россией. Если бы не сопротивление Англии, утверждал он, Россию удалось бы завоевать. Поэтому самый яростный его гнев был направлен не против России... а против этих несправимых островитян, за которыми он напрасно ухаживал и которые похитили плоды его завоеваний». Как бы ни были лестны предполагаемые оценки Гитлера для национальной гордости англичан (а они интерпретируются автором предисловия очень вольно), эти рассуждения не могут не представать в ложном свете ход и исход коалиционной войны против «держав оси». Далее, фюрер, вне всяких сомнений, к концу своей кровавой карьеры потерял значительную долю рассудка, но, как видно даже из текста самого «завещания», он никогда не сводил причины неудач Германии в войне против СССР только к тому, что Балканская кампания задержала нападение на нашу страну на пять недель, как пытается представить в предисловии Тревор-Ропер. Он пишет: «Ведь как мало, размышлял Гитлер, потребовалось для того, чтобы перевесить чашу весов в сторону неудачи. В конце концов только пять недель. Если бы он выступил на пять недель раньше, то все было бы по-иному! И эти пять недель были утрачены, ибо он положился на своего величайшего, обожаемого друга Муссолини»¹⁹, затеявшего войну на Балканах, куда Англия направила экспедиционный корпус.

В данном случае Тревор-Ропер занят не исследованием документа, а пытается пропагандировать широко распространенную в английской буржуазной историографии точку зрения, которую отстаивают как профессиональные историки, так и авторы мемуаров. П. Флеминг, например, пишет: «Если бы Гитлер не был вынужден нанести удар по британским замыслам в Греции, он смог бы напасть на Россию раньше, а если бы он сделал это на десять дней или пару недель раньше, то по крайней мере весьма вероятно, что он бы смог взять Москву до того, как погода остановила его»²⁰. Секретарь комитета планирования английского комитета начальников штабов генерал Л. Холлис утверждает: «Задержка немцев, которая была вызвана предпрятием Черчилля (в Греции), означала, как он прекрасно знал это, что величайший из всех русских генералов — генерал Январь и Февраль — бросит все свои силы против захватчиков, Гитлер не сумеет разбить русских до конца лета, а явится свидетелем того, как его армии замерзнут и развалятся, подобно наполеоновским»²¹. В унисон ему заканчивает свое предисловие и Тревор-Ропер: «Величайшая ошибка Гитлера заключалась не в том, что он доверял Муссолини, а в том, что он бросил Германию, страну, чей экономический потенциал гарантировал постепенное завоевание экономического преобладания в Европе, в авантюристическую завоевательную войну. Она потребовала чудовищных жертв, велась во имя неопределенной цели и с риском, что один простой просчет вызовет катастрофу и утрату, возможно, навсегда, всего достоинства и единства, которые терпеливо собирали великие, мудрые и конструктивно действовавшие немцы». Последние слова, несомненно, придутся по душе реваншистским кругам ФРГ.

В «завещании Гитлера» историк не обнаружит каких-либо сенсационных сведений или неизвестных до сих пор подробностей деятельности фашистского руководства. Высказывания Гитлера интересны разве в том отношении, что они проливают некоторый свет на интерпретацию диктатором общеизвестных фактов. При всем этом, однако, необходимо иметь в виду, что оценки событий были сделаны Гитлером тогда, когда крах Германии был не за горами. В его суждениях ясно видно желание оправдать себя перед историей, представив кровавого палача разумным государственным мужем,

¹⁹ «The Testament of Adolf Hitler», pp. 17, 24.

²⁰ P. Fleming. Invasion 1940. London. 1957, p. 301.

²¹ См. J. Leason. The Clock with Four Hands. London. 1957, p. 152.

что было задачей совершенно невыполнимой. Больше того, Гитлер стремился вооружить аргументацией своих будущих последователей, уверенный, что они найдутся. Поэтому получилось так, что «завещание», посвященное прошлому, целиком и полностью устремлено в будущее. В угоду этому будущему факты извращаются, ставятся с ног на голову. Этот документ—свидетельство того обмана, в котором Гитлер хотел держать немецкий народ.

В записках одного из офицеров германского генерального штаба о его пребывании в последние месяцы войны в ставке фюрера в подzemелье имперской канцелярии дана следующая характеристика Гитлера: «Он так запутался в той сети лжи, которой сам пытался опутать других и с успехом делал это в течение многих лет, что не в состоянии был уже из нее выбраться. У меня создалось впечатление, что он сам стал величайшей жертвой своей лжи, что эта ложь, быть может, ввела в заблуждение в первую очередь его самого... Он никому не доверял, кроме самого себя. Никому не верил, кроме самого себя, ни во что не верил, кроме как в свою собственную ложь»²². К аналогичному выводу пришел также бывший гитлеровский генерал Типпельскирх, который пишет следующим образом о последних днях Гитлера: «Уверенный до последнего вздоха в своей правоте, полный упреков против всех, кто будто бы стоял на его пути к победе и подрывал основы этой победы, он бежал своих земных судей, «дабы не попасть в руки врагов, которые желают устроить организованное еврейями представление для развлечения своих растравленных масс». 30 апреля после полудня Гитлер покончил с собой»²³ (выделенные кавычками слова взяты Типпельскирхом из «политического» завещания Гитлера, написанного 29 апреля 1945 года²⁴).

Впервые агрессивная внешнеполитическая программа национал-социалистической партии (НСДАП) была изложена Гитлером еще в середине 20-х годов, в его пресловутой книге «Моя борьба». Затем последовала целая серия не менее откровенных высказываний, публиковавшихся со значительными промежутками времени: беседы с председателем данцигского сената Раушнингем в 1932—1933 гг.²⁵, происходившие накануне захвата фашистами власти в Германии и опубликованные в 1940 году; упоминавшиеся уже «Застольные беседы Гитлера» периода 1941—1942 гг. (сам Гитлер рассматривал эти беседы как свое последнее «политическое» завещание, как программу создания «тысячелетнего рейха»); и, наконец, «завещание» 1945 года.

Если в беседах с Раушнингем Гитлер излагал свою внешнеполитическую программу, имея в виду перспективу захвата фашистами власти в Германии («вот что я сделаю в области внешней политики, когда мы, национал-социалисты, встанем во главе Германии»); если в 1937 г. на узком совещании в имперской канцелярии Гитлер сформулировал основные положения внешнеполитического курса Германии, считая необходимостью идти на риск войны для завоевания германской гегемонии в Европе («в интересах дальновидной политики, говорил Гитлер, обращаясь к участникам совещания, он просит, чтобы эти заявления рассматривались в случае его смерти как его последняя воля и желание»²⁶); если в «Застольных беседах» Гитлер исходил из перспективы установления германского мирового господства, которую он считал не только желательной, но и возможной, то в 1945 г. в подzemелье имперской канцелярии «фюрер германского рейха» в горьком похмелье задает себе вопросы: «Что же произошло? Почему Германия терпит поражение? Кто виноват в катастрофе?». Круг замкнулся — от книги «Моя борьба» с ее грабительской, человеконенавистнической программой наиболее агрессивных кругов германского империализма до «завещания» 1945 г., в котором Гитлер помимо своего желания неумолимой силой обстоятельств был вынужден подвести итоги авантюристического внешнеполитического курса германского фашизма.

Может быть, хоть в этот момент, перед лицом неизбежного краха третьего рейха, Гитлер наконец понял, что он избрал ошибочный путь, что он привел Германию и ее

²² См. «Военно-исторический журнал», 1964, № 4, стр. 95.

²³ К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М. 1956, стр. 548.

²⁴ «Dokumente...». V. Band, S. 527.

²⁵ H. Rauschning. Gespräche mit Hitler. Zürich-Wien. 1940.

²⁶ «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов в семи томах. Т. I. М. 1957, стр. 606, 611—615; см. также Л. А. Безыменский. Германские генералы — с Гитлером и без него. М. 1964, стр. 82.

народ к невиданной в их истории катастрофе? Может быть, на него давила тяжесть ответственности за миллионы загубленных жизней? Нет, этого не произошло. Судьбы Германии, о которой Гитлер постоянно разглагольствовал, судьбы немецкого народа, о своей необыкновенной любви к которому он так много говорил, его совершенно не интересовали. Более того, он считал, что немецкий народ оказался недостойным своего вождя. «Если мне суждено погибнуть,— твердил Гитлер,— то пусть погибнет и немецкий народ, потому что он оказался недостойным меня»²⁷.

В беседах с Борманом в феврале и апреле 1945 г. Гитлер неоднократно возвращался к роковым вопросам: «Почему Германия проиграла войну? Кто или что виной тому? Должна была Германия начать войну или нет?». Казалось бы, ответ в эти дни, перед неминуемо навигавшейся катастрофой, «без четверти двенадцать», мог быть только один — отрицательный. Однако он все еще твердил, что у Германии якобы не было выбора, что война была неизбежна, потому что иным путем нельзя было «объединить всех немцев в одной великой империи»²⁸. Гитлера нисколько не смущало, что в ходе войны народы смогли на своем горьком опыте убедиться, как, кого и какими методами германский империализм хотел «объединить» во имя установления своего мирового господства. О том, как он объяснял все, что случилось (сами факты хорошо известны советскому читателю), и пойдет речь ниже. Как мы увидим, Гитлер совершенно произвольно трактовал события, зачастую ставя их с ног на голову, желая оправдаться, свалить вину за случившееся на других.

«Что касается Германии,— гласит запись 4 февраля 1945 г.— то мы не имели выбора. Как только мы провозгласили свое желание объединить наконец всех немцев в одной великой империи и обеспечить им истинную независимость,— другими словами, возможность жить, как они хотят,— так все наши враги немедленно поднялись против нас. Война стала неизбежной хотя бы по одной причине: чтобы избежать ее, мы должны были бы предать коренные интересы германского народа. Что касается нашего народа, мы не могли и не хотели удовлетвориться видимостью независимости. Такого рода независимость подходит шведам и швейцарцам, которые всегда готовы поддерживать сомнительные и лживые лозунги, при условии, что им удастся в то же время набить себе карманы. По той же причине Веймарская республика не могла выдвинуть более достойных притязаний. Такой образ действий, однако, недостойн третьего рейха.

Таким образом, мы были обречены рано или поздно вести войну, и нашей единственной заботой стало выбрать наиболее благоприятный момент для нее. А как только мы вступили в войну, не могло быть и речи, чтобы выйти из нее».

«Гибельным фактором этой войны,— говорил Гитлер 14 февраля 1945 г.— оказалось то, что Германия начала ее слишком рано и в то же время слишком поздно. С чисто военной точки зрения нам бы следовало начать войну раньше. Я должен был захватить инициативу еще в 1938 году, а не разрешить втянуть себя в войну в 1939 году; ибо война была в любом случае неизбежна. Тем не менее вряд ли можно обвинять меня, так как Англия и Франция согласились в Мюнхене со всеми моими требованиями!

С точки зрения сегодняшнего дня война намного запоздала! Но с точки зрения нашей моральной подготовки она началась намного раньше, чем следовало. Мои ученики еще не успели достичь полной зрелости. Мне, по существу, были бы нужны еще двадцать лет, чтобы сделать зрелой эту новую элиту, элиту юности, погруженную с самого раннего детства в философию национал-социализма. Трагедией для нас, немцев, является то, что нам всегда не хватало времени. Обстоятельства всегда складывались так, что мы вынуждены были спешить. И если сейчас у нас нет времени, то это объясняется главным образом тем, что у нас не хватает пространства. Русские с их огромными просторами могут позволить себе роскошь отказаться от спешки. Время

²⁷ См. W. Görlitz, H. Quint. Adolf Hitler. Eine Biographie. Stuttgart. 1955, S. 627. См. также «Военно-исторический журнал», 1964, № 4, стр. 96; «За рубежом», 1965, № 17, стр. 22.

²⁸ В «политическом» завещании, написанном 29 апреля 1945 г., Гитлер снова и снова повторяет, что он якобы «не хотел войны»: «Неверно, будто я или кто-либо другой в Германии хотел войны в 1939 году. Ее хотели и спровоцировали исключительно иностранные государственные деятели — сами евреи или люди, действовавшие в интересах евреев». «Dokumente...». V. Band, S. 526.

работает в их пользу и против нас. Даже если бы провидение назначило мне жизнь, достаточную, чтобы довести мой народ до полного торжества идей национал-социализма, можно не сомневаться, что враги никогда бы не позволили мне воспользоваться этим. Они бы пошли на все, чтобы уничтожить нас прежде, чем очутиться лицом к лицу с Германией, скрепленной одной верой и национал-социализмом, и которая была непобедима...»

«Враги толкнули нас в войну,— сообщает запись 21 февраля 1945 года.— По существу, угроза войны существовала с января 1933 г., с момента моего прихода к власти... Накануне Мюнхена я понял вне всякого сомнения, что враги третьего рейха были преисполнены решимости завладеть нашими скальпами и не было никакой возможности договориться с ними. Когда этот архибуржуа, капиталист Чемберлен, со своим обманчивым зонтиком в руке, взял на себя труд отправиться в Берхтесгаден, чтобы обсудить дела с этим выскочкой Гитлером, он прекрасно знал, что в действительности намеревался вести против нас беспощадную войну. Он был готов говорить мне все, что, на его взгляд, могло рассеять мои подозрения. Единственная цель его поездки заключалась в том, чтобы выиграть время. Поэтому нам тогда оставалось лишь нанести удар. Мы должны были бы начать войну в 1938 году. Это был последний шанс локализовать ее. Однако они уступили по всем пунктам как трусы, каковыми они и были, пошли на все наши требования. В этих условиях было трудно взять на себя инициативу открытия военных действий. В Мюнхене мы утратили единственную возможность выиграть войну, которая была неизбежна в любом случае. Хотя и мы не были полностью подготовленными, мы тем не менее были подготовлены лучше, чем наши враги. Самой благоприятной датой был сентябрь 1938 года. А какие возможности для локализации конфликта мы тогда имели!

Нам бы следовало именно тогда решить наши споры силой оружия, не обращая внимания на желание противников удовлетворить наши требования. Стоило нам решить судетскую проблему силой, мы одновременно ликвидировали бы Чехословакию, возложив ответственность за это только на Бенеша. Решение вопроса в Мюнхене могло быть только временным, ибо совершенно очевидно, что мы не могли бы терпеть гнойник, хотя и небольшой, в сердце Германии, каковым было независимое чешское государство. Мы вскрыли этот гнойник в марте 1939 г., однако в обстановке психологически менее благоприятной, чем та, которую мы бы имели, если бы решили вопрос силой в 1938 году. Дело в том, что в глазах мирового общественного мнения в марте 1939 г. мы были впервые неправы. Мы больше не ограничивались воссоединением Германии, а установили протекторат над не немецким населением.

Война в 1938 г. оказалась бы короткой — за освобождение судетских немцев, словаков, венгров и даже поляков, находившихся под господством чехов. Англия и Франция, захваченные врасплох и обескураженные развитием событий, остались бы пассивными, особенно имея в виду, что мировое общественное мнение было бы на нашей стороне. Наконец, Польша, главная опора французской политики в Восточной Европе, была бы на нашей стороне. Если бы Англия и Франция в этих условиях объявили нам войну, то они потеряли бы свое лицо. По существу, я целиком и полностью уверен, что они не пошли бы на войну, но в любом случае потеря лица была бы неизбежна. Стоило заговорить нашим оружием, мы могли бы отложить на будущее решение оставшихся территориальных проблем в Восточной Европе и на Балканах, не опасаясь вызвать вмешательства этих двух держав, дискредитированных в глазах своих протеже. Что касается нас, то, таким образом, мы получили бы необходимое время для консолидации наших позиций и отложили бы мировую войну на несколько лет. Больше того, я сильно сомневаюсь, чтобы при этих обстоятельствах вторая мировая война оказалась неизбежной.

Нет никаких оснований не заключить, что в глубине души обеспеченных народов вырождение и любовь к комфорту могли бы оказаться сильнее, чем врожденная вражда к нам, особенно если учесть, что они должны были понимать наши действительные устремления — на Восток. Наши противники стали бы даже тешить себя надеждами, что мы, быть может, истощим себя, осуществляя свои намерения на Востоке. В любом случае для них речь шла бы о загребании жара чужими руками, ибо мир на Западе не нарушался, и в то же время они воспользовались бы плодами ослабления России, чья растущая мощь вызывала у них озабоченность».

В «завещании» большое место уделяется вопросу о нападении фашистской Германии на Советский Союз. В интерпретации Гитлера это нападение было чуть ли не «самообороной». В действительности агрессивная война против Советского Союза была неизменной основой внешнеполитической программы гитлеровского руководства. Еще в книге «Моя борьба», ставшей библией германских фашистов, Гитлер подробно излагал программу разбойничьего похода на Восток. Там, за счет Советского Союза, по мнению Гитлера, Германия могла обрести пресловутое «жизненное пространство».

Подготовка войны против СССР была одной из главных задач внешней политики гитлеровского руководства с момента прихода фашистов к власти в 1933 году. Известные исторические факты, вне всяких сомнений, свидетельствуют об этом. Так, подписанию «антикоминтерновского пакта» непосредственно предшествовало одобрение съездом фашистской партии в сентябре 1936 г. второго четырехлетнего плана подготовки Германии к войне. В секретном меморандуме, написанном Гитлером для объяснения целей этого плана, содержалась конкретная программа войны против Советского Союза²⁹. Хотя Гитлер уже тогда прибегал к демагогии, маскируя свои агрессивные цели, меморандум не оставляет никакого сомнения в том, против кого готовилась война. Так, он гласил: «Германия всегда будет рассматриваться как основной центр западного мира при отражении большевистского натиска». Далее, изложив конкретную программу перестройки экономики на военный лад, Гитлер заключал: «Я ставлю следующие задачи: 1) через 4 года мы должны иметь боеспособную армию; 2) через 4 года экономика Германии должна быть готова к войне»³⁰. Как известно, гитлеровское руководство в целом выдержало эти сроки.

Вторая мировая война началась с удара Германии на Западе. Гитлер не решился напасть на Советский Союз до разгрома западных держав. В беседе с Раушнингем он говорил: «Советская Россия — большой кусок. Им можно и подавиться. Не с нее я буду начинать»³¹. Уже после начала войны, 23 ноября 1939 г., состоялось совещание Гитлера с главнокомандующими отдельных родов войск, на котором он заявил: «Я долго сомневался, не начать ли мне с нападения на Восток, а затем уже на Запад... Вынужденно получилось так, что Восток на ближайшее время выпал... У нас имеется договор с Россией. Однако договоры соблюдаются лишь до тех пор, пока... они выгодны»³². Из этого заявления, сделанного уже через три месяца после подписания договора о ненападении между Германией и СССР, высшие военные руководители не могли не сделать вывод о том, что германское правительство, только что подписав его, решило порвать договор и ждет только удобного в военно-политическом отношении момента для нападения на СССР. 2 июня 1940 г. Гитлер сообщил своим командующим: «Теперь, поскольку Англия готова к миру, мы должны приступить к сведению счетов с большевиками». Приведа эти и другие высказывания фюрера летом 1940 г., американский исследователь В. Энзел пишет: «Во всех планах Гитлера мы видим его неукротимое желание сокрушить Россию»³³.

В июле 1940 г. начальник генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковник Гальдер записал в своем дневнике следующие высказывания Гитлера: «Россия является фактором, на который особенно рассчитывает Англия... Если Россия будет разбита, у Англии исчезнет последняя надежда. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: на основании этого заключения Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года. Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше»³⁴.

18 декабря 1940 г. Гитлер подписал директиву № 21 — «план Барбаросса», в пер-

²⁹ 4 сентября 1936 г. Геринг заявил на совещании фашистского руководства с участием Шахта, Бломберга и других: «Столкновение с Россией неизбежно... Необходимо предпринять точно такие же меры, какие должны быть предприняты, если бы мы на самом деле стояли сейчас перед фактом немедленной угрозы войны». «Юрибургский процесс». Т. II. М. 1958, стр. 27.

³⁰ См. «Военно-исторический журнал», 1964, № 12, стр. 75, 79.

³¹ См. «История дипломатии». Т. III. М.-Л. 1945, стр. 488.

³² Цит. по: Ф. Н. Телегин. О фальсификации западногерманской реакционной историографией вопроса о подготовке фашистской агрессии против СССР. «Новая и новейшая история», 1958, № 6, стр. 128.

³³ W. A n s e l. Hitler Confronts England. Durham. 1960, p. 323.

³⁴ См. «Военно-исторический журнал», 1959, № 2, стр. 67.

вом абзаце которой говорилось: «Германские вооруженные силы должны быть готовы к тому, чтобы... победить Советскую Россию путем быстротечной военной операции». Ставка германского империализма на «блицкриг» была связана со сравнительной ограниченностью ресурсов Германии и стремлением ее правящих кругов одержать молниеносную победу над одним из противников, против которого сосредоточивались все усилия³⁵.

В начале марта 1941 г. Гитлер заявил: «Войну против России нельзя вести по-рыцарски. Это борьба идеологий и различных рас, и ее нужно вести с беспрецедентной, безжалостной и неукротимой жестокостью. Все офицеры должны отказаться от устарелых взглядов... Германские солдаты, виновные в нарушении международного права, не будут наказываться»³⁶. В войне с Россией, подчеркивал Гитлер, «речь идет о борьбе на уничтожение. Если мы не будем так смотреть, то, хотя мы и разобьем врага, через 30 лет снова возникнет коммунистическая опасность»³⁷. 21 июня 1941 г. Гитлер писал Муссолини о своем решении напасть на СССР. «Дуче! Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда длившися месяцами тяжелые раздумья, а также вечное нервное выжидание закончились принятием самого трудного в моей жизни решения. Я полагаю, что не вправе больше терпеть положения после доклада мне последней карты с обстановкой в России, а также после ознакомления с многочисленными другими донесениями. Я прежде всего считаю, что нет больше иного пути для устранения этой опасности. Дальнейшее выжидание приведет самое позднее в этом или в следующем году к губительным последствиям... Что касается борьбы на Востоке, дуче, то она определенно будет тяжелой. Но я ни на секунду не сомневаюсь в крупном успехе. Прежде всего я надеюсь, что нам в результате удастся обеспечить на длительное время на Украине общую продовольственную базу. Она послужит для нас поставщиком тех ресурсов, которые, возможно, потребуются нам в будущем»³⁸. И, наконец, в записке Гитлера от 22 августа 1941 г., уже после нападения Германии на СССР, говорилось: «Цель настоящей кампании состоит в том, чтобы окончательно уничтожить Россию как континентальную державу, союзную Великобритании, и тем самым лишить Англию всякой надежды на возможность изменить судьбу с помощью этой еще существующей последней великой державы. Эту цель можно достичь только путем: а) уничтожения людских ресурсов русских вооруженных сил; б) захвата или по крайней мере уничтожения экономической базы, необходимой для воссоздания русских вооруженных сил»³⁹.

Все эти и многие другие высказывания хорошо известны. Поэтому попытки Гитлера в 1945 г. «обосновать» в «завещании» войну против СССР ссылками на ее «оборонительный», «превентивный» характер смехотворны. Тем более, что здесь же Гитлер подчеркивает, что «уничтожение большевизма» было целью всей его жизни, что «движение на Восток» и в будущем является основной задачей для немецкого народа. «На Восток и только на Восток должен устремиться (в будущем.— А. Г.) наш народ,— говорил Гитлер 7 февраля 1945 года.— Сама природа указывает это направление для германской экспансии. Суровый климат на Востоке позволит немцу сохранить свои качества крепкого и жизнеспособного человека, а резкие контрасты, которые он найдет там, помогут сохранить его любовь и тоску по родине». Даже уходя в могилу, фюрер продолжал настойчиво твердить, что немецкий народ «в будущем должен стремиться к завоеванию земель на Востоке». За день до самоубийства, 29 апреля 1945 г., Гитлер писал в своем последнем послании Кейтелю: «Усилия и жертвы германского народа в этой войне были столь велики, что они не могут быть напрасными. Цель остается та же — завоевание земель на Востоке для германского народа»⁴⁰.

А вот как Гитлер изображал нападение фашистской Германии на Советский Союз.

³⁵ Незадолго до нападения на Польшу, 22 августа 1939 г., Гитлер говорил в своей речи в Оберзальбурге перед командующими и генералами: «Для нас сейчас легко принять решение. Нам нечего терять, мы можем только выиграть. Наша экономическая ситуация ввиду наших ограничений такова, что мы сможем продержаться лишь несколько лет. Геринг может подтвердить это. У нас нет другого выбора. Мы должны действовать». «Нюрнбергский процесс». Т. I, стр. 629.

³⁶ W. S h i g e r. Op. cit., pp. 1088—1089.

³⁷ «Военно-исторический журнал», 1959, № 2, стр. 82.

³⁸ «Военно-исторический журнал», 1965, № 5, стр. 100, 102.

³⁹ «Военно-исторический журнал», 1962, № 11, стр. 86.

⁴⁰ «За рубежом», 1965, № 18, стр. 24.

«Ни одно из решений, принятых мною в течение этой войны,— говорил он 15 февраля 1945 г.,— не было серьезней решения напасть на Россию. Я всегда утверждал, что мы должны любой ценой избежать войны на два фронта, и, будьте уверены, я долго и мучительно обдумывал опыт Наполеона в России. Почему же тогда, спросите вы, случилась война против России, и почему я избрал именно это время ее начала?»

Мы уже оставили надежду закончить войну успешным вторжением в Англию. К тому же эта страна под руководством своих неумных вождей отказалась бы признать утвержденную нами в Европе гегемонию, пока на континенте оставалась великая держава, решительно враждебная третьей империи. Итак, война продолжалась бы без конца, причем в ней за спиной Англии американцы играли бы все возрастающую роль. Размеры военного потенциала Соединенных Штатов, прогресс в вооружениях как в нашем лагере, так и в лагере противника, близость Британских островов — все это, вместе взятое, делало в высшей степени нецелесообразным для нас все глубже погружаться в болото затянувшейся войны. Ибо время, заметьте это, во все возрастающей степени работало бы против нас. Чтобы убедить Англию прекратить войну, вынудить ее пойти на мир, было важно отнять у нее надежду на возможность оказания нам сопротивления на континенте силами противника, равного по мощи Германии. У нас не было выбора, мы должны были любой ценой выбросить Россию из европейского баланса сил. Была и другая, в равной степени важная причина для нападения на Россию — смертельная угроза, которую она сама по себе представляла нашему существованию. Так что было совершенно очевидно, что рано или поздно она обрушится на нас.

Наша единственная возможность восторжествовать над Россией заключалась в том, чтобы захватить инициативу, так как было невыгодно вести против нее оборонительную войну. Мы не отважились предоставить Красной Армии свободу маневра, дать ее мобильным танковым частям наши автомобильные магистрали и наши железные дороги для перевозки войск и снаряжения. Но стоило нам выбрать наступление, как мы могли разгромить Красную Армию на ее родной земле, в болотах, на огромных и топких пространствах. В цивилизованной стране мы этого не смогли бы сделать. Ибо в таком случае мы бы просто предоставили Красной Армии трамплин для прыжка на Европу и для нашего уничтожения.

Почему именно 1941 год? Потому, что, учитывая неуклонно нарастающую мощь наших западных врагов, если нам суждено было действовать вообще, мы должны были сделать это с минимальной отсрочкой. И, обратите внимание, Сталин не сидел сложа руки. Время опять было против нас на двух фронтах: В действительности вопрос заключался не в том, «почему 22 июня 1941 года», а, скорее, «почему не раньше»? Если бы не трудности, созданные нам итальянцами, и их идиотская кампания в Греции, я напал бы на Россию на несколько недель раньше. Наша главная проблема сводилась к тому, чтобы удержать Россию по возможности дольше от выступления, и меня лично терзал кошмар, что Сталин может проявить инициативу раньше меня.

26 февраля 1945 г. Гитлер говорил: «Весной 1941 года мы могли бы быстро освободить Ближний Восток, использовав лишь незначительное количество войск из числа собранных для войны с Россией. Однако взять в то время необходимые для этого войска из соединений, нацеленных на Россию, означало бы подвергнуться косвенной угрозе — дать России сигнал для нападения. Она бы сделала это летом или в крайнем случае осенью, причем в таких катастрофических для нас условиях, что мы никогда не смогли бы рассчитывать на победу».

(Окончание следует.)